

Спасибо, что скачали книгу на сайте swan-swan.ru/knigi

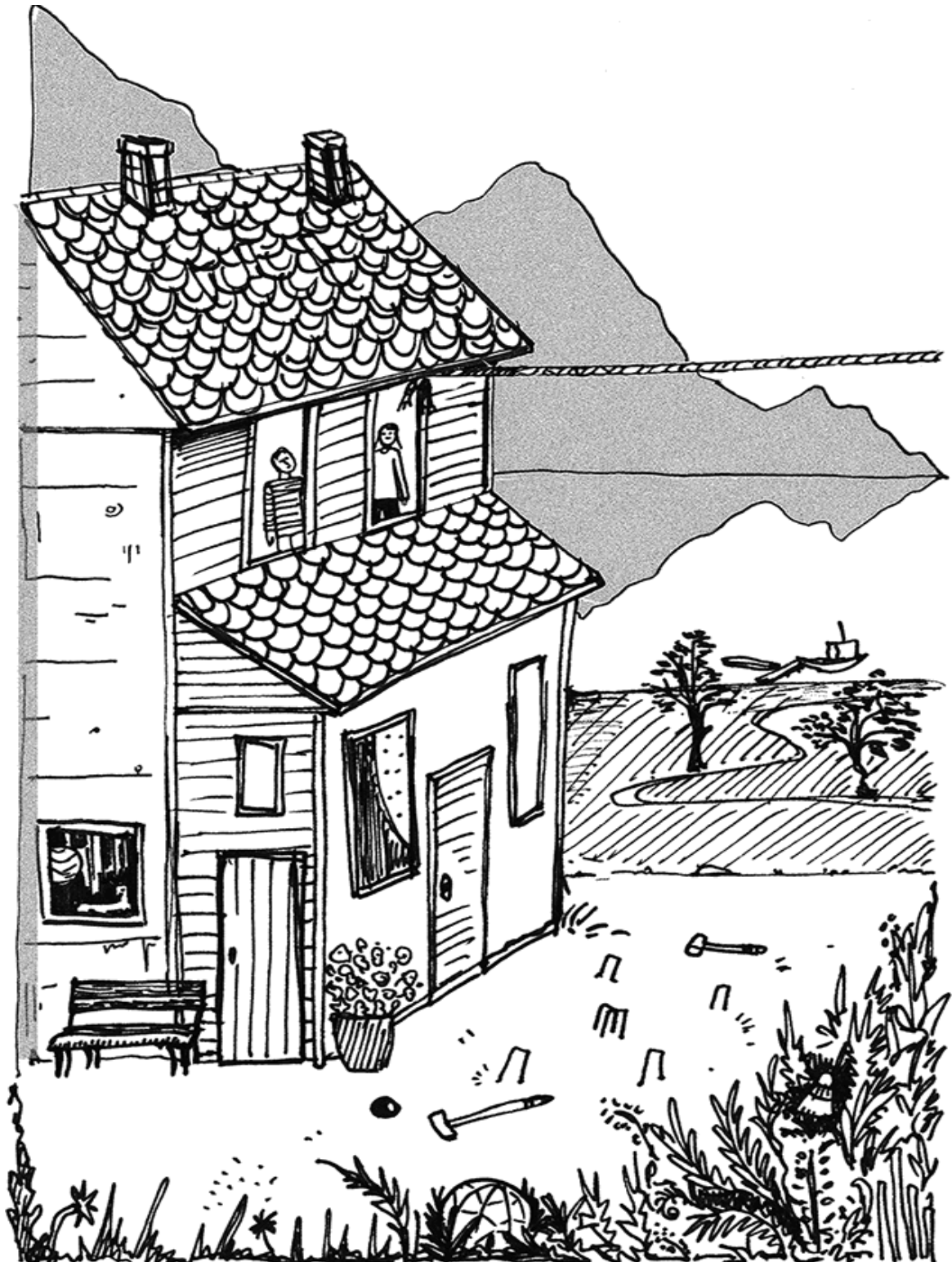
Мы предлагаем для скачивания книги, которые признаны общественным достоянием и не нарушают авторские права.

Приятного чтения!

С уважением, коллектив swan-swan.ru

Мария Парр Вафельное сердце

* * *

Дыра в живой изгороди

После обеда в первый день летних каникул мы с Леной провели между нашими домами канатную дорогу. Переправиться первой, как всегда, решила Лена. Она бесстрашно забралась на карниз, двумя руками схватилась за веревку, а босые ноги закинула наверх, сцепив их в замок. Тут я понял, что она вряд ли сумеет остаться в живых. Пока она карабкалась в сторону своего дома, все дальше и дальше от нашего окна, я не дышал. Лене скоро девять, и у нее сил поменьше, чем у тех, кто немного побольше.

Примерно на середине пути ее ноги, прошуршав веревке прощальное «ш-ш-шур», соскользнули вниз. И вот Лена болтается на высоте второго этажа, цепляясь за веревку только руками. У меня громко застучало сердце.

– Ой, – сказала Лена.

– Вперед! – крикнул я.

Двигаться вперед не так легко, как могут подумать некоторые, которые прячутся из окна, было мне разъяснено.

– Тогда виси! Я тебя спасу.

У меня вспотели ладони, так я думал.

Я только надеялся, что у Лены они по-прежнему сухие. Страшно представить, если она грохнется с высоты второго этажа. Тут я и сообразил про матрас.

И пока Лена висела изо всех сил, я стащил с кровати папы и мамы матрас, вытянул его в коридор, толкнул вниз по лестнице, пропихнул в тесную прихожую, распахнул дверь на улицу и поволок его вниз в сад. Это был ужасно тяжелый матрас. Походя я сшиб фотографию прабабушки, и она разбилась вдребезги. Но лучше уж чтоб она разбилась, чем Лена.

По Лениным гримасам я понял, что когда я наконец появился в саду, она как раз собиралась падать.

– Ползаешь как черепаха, – просипела она сердито.

Две черные косички топорщились на ветру где-то в вышине. Я притворился, что ничего не услышал. Зависла она точно над живой изгородью. Пришлось мне положить матрас туда же. На изгородь. Не было смысла класть его в другое место.

Теперь Лена Лид смогла наконец расцепить руки и шлепнуться вниз, как перезревшее яблоко. Она приземлилась с мягким хрустом. Два куста в живой изгороди сломались мгновенно.

Я тихонько вздохнул. Сердитая Лена бушевала, выпутываясь из колючих веток испорченной изгороди.

– У, черт! Все ты, Трилле, виноват, – сказала она, выбравшись целая и невредимая.

Может, не я один виноват, подумал я, но вслух этого не сказал. Я очень радовался, что она жива. Все было как обычно.

Дружище Трилле и соседская кнопка

Мы учимся в одном классе, Лена и я. Она у нас единственная девочка. Лена говорит, что если б сейчас не начались каникулы, она б упала в кому и так померла.

– Ты и так бы упала в кому, если б я матрас не подстелил, – сказал я ей вечером, когда мы снова пошли посмотреть на дырищу в изгороди.

Но Лена сказала: вряд ли. Ну в крайнем случае заработала бы себе сотрясение мозгов. Подумаешь. Это у нее уже было. Два раза.

Но я все равно не мог не думать, что было бы, если б она упала, пока я тащил матрас. Как-то грустно, если бы она взяла и так померла.

И у меня не стало бы Лены. А она мой лучший друг, хотя и девчонка. Я ей этого никогда не говорю. Не решаюсь сказать, потому что не знаю: а вдруг она меня своим лучшим другом не считает? Иногда я верю, что считает, а иногда – нет. Это по-разному бывает. Но я много об этом думаю, особенно когда с ней что-нибудь случается, например, она падает с канатной дороги на подложенный мною матрас; тогда мне все-таки очень хочется, чтобы она назвала меня лучшим другом. Не вслух, конечно, и не при всех, а так – шепнула бы просто. Но от Лены такого не дождешься. У нее не сердце, а камень, такое закрадывается подозрение.

А вообще-то у Лены зеленые глаза и семь веснушек на носу. Она очень худая. Дед говорит, что она – конь-девица, хотя на вид она больше похожа на велосипед. И в борьбу на руках Лена всем проигрывает, но это просто потому, что все жухают, говорит она.

Сам я, по-моему, выгляжу как все, у меня светлые волосы и ямочка на щеке. Необычного во мне только имя, но этого снаружи не видно. Мама с папой назвали меня Теобальд Родрик.

И тут же пожалели об этом. Нехорошо давать маленькому малышу такое большое имя.

Но было поздно: что сделано, то сделано. Так что я уже прожил Теобальдом Родриком Даниельсеном Уттергордом девять лет. А это немало. Это вся моя жизнь. К счастью, все зовут меня Трилле, поэтому имя мне мало мешает, разве что Лена спросит иногда:

– Трилле, опять забыла, как тебя зовут?

– Теобальд Родрик.

Тогда Лена долго и залиvisto хохочет. Иногда даже шлепает себя по бокам.

Изгородь, в которой мы с Леной проломили дыру, – граница между нашими участками.

В маленьком белом домике с той стороны живут Лена и ее мама. Папы там никакого не имеется, хотя Лена говорит, что для одного место вполне бы нашлось, если разобраться в подвале.

В большом рыжем доме с этой стороны живу я. У нас три этажа и темный чердак, потому что нас очень много: мама, папа, Мина четырнадцати лет, Магнус тринадцати, Трилле девяти и Крёлле – ей только три. Плюс дедушка в подвале. Как раз народу, говорит мама, чтобы успевать за всеми присмотреть, чтобы все шло своим чередом. Но когда приходит Лена, народу становится слишком много, и присмотреть за всеми уже не получается, поэтому все немедленно идет наперекосяк.

– Слушай, – сказала Лена, – по-моему, пора пойти посмотреть, не собирается ли кто-нибудь у вас пить кофе с плюшками.

И что вы думаете, она оказалась права: как раз пришел дед попить кофейку. Дед худой, лицо в морщинах, и волосы у него как сено.

Он самый-самый лучший в мире взрослый.

Дед скинул деревянные башмаки и сунул руки в карманы рабочего комбинезона. Он всегда ходит в комбинезоне.

– Так-так... Дружище Трилле и соседская кнопка, – сказал он и поклонился нам. – Похоже, мы здесь за одним и тем же.

Мама в гостиной читала газету. Она не обратила внимания на то, что в кухне толпится народ. Это обычное дело – дед и Лена вечно толкуются у нас, хотя здесь и не живут. Но все время приходят. Лена проводит у нас столько времени, что стала сама себе соседкой.

Дед взял фонарик, лежавший на скамейке в кухне, и на цыпочках вошел к маме.

– Руки вверх! – закричал он и навел на маму вместо пистолета фонарик. – Кофе или жизнь, фру Кари!

– И плюшек! – крикнула Лена для порядка.

Лена, дед и я – мы умеем добыть кофе с плюшками почти всегда, когда захотим. Потому что у мамы нет сил говорить нам «нет». Особенно если мы просим воспитанно и вежливо. Уж не говоря о случаях, когда мы угрожаем ей карманным фонариком.

Отличная мы компания, подумал я, когда мы вчетвером сидели за столом, ели плюшки и болтали ни о чем. Мама сначала очень рассердилась из-за канатной дороги, но теперь снова стала веселая и вдруг спросила, хотим ли мы с Леной быть женихом-невестой на Иванов день.

Лена даже поперхнулась.

– Опять? Вы нас совсем заженить хотите, что ли?! – почти закричала она.

Нет, стала объяснять мама, она не собирается нас женить, но Лена перебила ее и сказала, что как-то подозрительно на это похоже.

– Мы с Трилле сыты по горло. Мы отказываемся, – решительно заявила она, даже не спросив меня.

Ну и не страшно. Я легко обойдусь без этого. А то каждый год на Иванов день нас с Леной наряжают женихом-невестой, сколько можно.

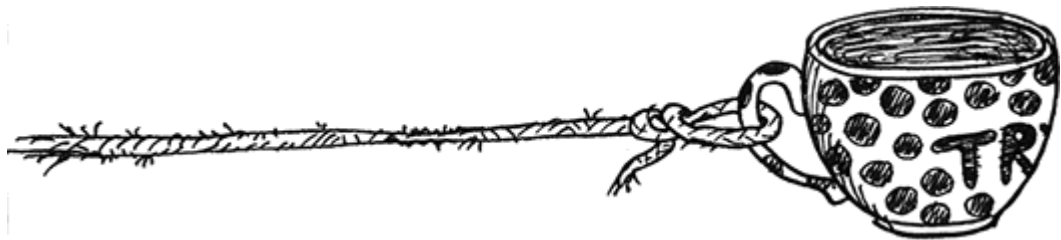
– Да, мам, не пойдет, – сказал я. – Придумайте нам что-нибудь другое.

Мама опять не успела рта раскрыть, как Лена грозно и упрямо сказала, что мы хотим делать на праздник ведьму для сжигания.

Я чуть не ойкнул. А потом обрадовался. Почему всегда ведьму делают Мина и Магнус? Это же справедливо, чтобы нам с Леной тоже дали разок попробовать. Лена просила, умоляла, скакала, егзила и дергала маму за руку.

– Да пусть дружище Трилле и соседская кнопка сделают ведьму. А с женихом-невестой у меня есть идея получше, – вступился за нас дед.

Так и вышло, что нам с Леной поручили сделать на праздник в Иванов день ведьму. В последний раз, я думаю.

Тушение ведьмы

Мы – и Лена, и я – живем в бухте Щепки-Матильды. Дед говорит, что Щепки-Матильды – это королевство. И хотя он страшный выдумщик и вечно присочиняет, мне нравится думать, что Щепки-Матильды – королевство. Наше личное. Здесь у нас между домами и морем – огромные поля, через них идет грунтовая дорога к фьорду. При дороге растет рябина, на которую можно взбираться, когда сильный ветер. По утрам, открыв глаза, я первым делом смотрю в окно на море и на погоду. Если дует прилично, то волны врезаются в мол с фонтанами брызг, которые разлетаются далеко по полям. А когда штиль, море выглядит как огромная лужа. Если присмотреться повнимательнее, видно, что море синее каждый день по-разному. Обычно я заодно отыскиваю взглядом лодку деда.

Он встает в пять и отправляется рыбачить.

Выше наших домов проходит проезжая дорога. А за ней, еще выше, холмы, чтобы кататься с них зимой на санках и лыжах. Однажды мы с Леной сделали там трамплин, потому что Лена хотела перепрыгнуть через автомобильную дорогу на санках. Она приземлилась точно посреди мостовой и так ударилась попой, что еще два дня потом лежала на животе. Да еще откуда-то взялся автомобиль: ух и взвизгнули тормоза, пока мы мучились, сталкивая Лену на обочину.

На самом-самом верху, выше холмов, есть хутор Юна-с-горы. Он дедов лучший друг. А за хутором еще гора. Надо пройти вершину и еще немного, и тогда увидишь нашу маленькую горную избушку. До нее два часа ходу.

Нам с Леной известно все, что имеет смысл знать о Щепки-Матильды. И даже больше. Так что мы ясно представляли себе, где искать то, что нам нужно для изготовления ведьмы.

Спасибо деду, он научил нас вязать разные узлы. Мы с Леной вяжем их постоянно, хотя и вынуждены были торжественно и клятвенно пообещать, что никогда, никогда больше не будем делать канатных дорог. Вот Лена ловко затянула двойной морской, чтобы хоть как-то стянуть нашу ведьму, а то она так и норовила развалиться. Если уж Лена берется за дело, все у нее в руках горит. Но в этот раз мы возились очень долго, потому что сено упорно вываливалось обратно из старых тряпок, которыми мы пытались его обернуть. И ведьма получилась какая-то дохлая и обвислая. Нам ведь нелегко управляться с ней, она ростом с меня и Лену. Лицом ведьма тоже не вышла. Но мы с Леной отошли подальше, наклонили голову набок и внимательно и беспристрастно оглядели нашу ведьму.

– Божественно, – сказала Лена и улыбнулась, очень довольная.

Ну хорошо, решили мы, ведьма готова, отнесем ее в старую конюшню. Но тут явился Магнус.

– А чучело вам зачем? – спросил он. – Птиц пугать?

– Это не чучело, – объяснил я, – это ведьма на праздник.

Магнус захохотал как ненормальный.

– Это?! Ну и уродина, сроду такой не видел! Ладно, все равно сжигать.

Я очень рассердился. А Лена еще больше.

– Давай вали на берег, костер делай! – заорала она так, что на мне зашевелился свитер.

Магнус ушел, но мы долго слышали, как он смеется дорогой. Я сказал Лене, что он наверняка просто завидует – хочет, чтобы ведьму делали они с Миной, как обычно. Но это не помогло. Лена фыркнула и со всей силы наподдала нашей ведьме ногой. У бедной аж сено из пуза вылезло.

Мы пошли к Лене развести себе сока. Ленина мама рисует и делает из всего подряд *искусство*, так что весь их дом забит странными предметами. В ванной, например, стоит половина мотоцикла. Как только они свинтят его полностью, он станет целым. Лена пускала в своем стакане большие злые пузыри, а сама сердито стреляла глазами по сторонам. Внезапно она перестала дуть в трубочку, и вид у нее сделался задумчивый.

У них в углу на красном шкафу восседала огромная кукла. Я часто ее рассматривал. Рук у нее не было, краска на лице облупилась, но Ленина мама заделала дырки высушенными цветами. Вот на куклу Лена и смотрела.

Когда я понял, о чем она думает, я похолодел от ужаса.

– Мы не можем, да...

– Трилле, ведьм делают из старья и хлама. Этой кукле не меньше семидесяти лет, мама сама так, знаешь ли, говорила.

– Но не слишком ли она тогда старинная? – спросил я.

Тут и вопроса нет, заявила Лена. Для старья чем старше, тем лучше, я мог бы и сам понимать такие простые вещи. Она придвинула желтое кресло-качалку к шкафу и велела мне

лезть наверх – за куклой.

– У меня коленки дрожат, – забормотал я.

Лена обхватила их своими тонкими пальцами:

– Ну, больше не дрожат?

Теперь, когда внутрь ведьмы мы вместо сена засунули куклу, дело пошло на лад. В очках, с клоунским носом и баннным полотенцем на голове она выглядела как живая. Если не знать, ни за что не догадаешься, что это всего-навсего кукла. Мы спрятали ее к Лене под кровать.

Вечером я долго не мог заснуть. И в конце концов решил помянуть ведьму в вечерней молитве.

– Боженька, дорогой, ну сделай так, чтобы ведьма сгорела только понарошку, – попросил я.

Когда утром в Иванов день я спустился в кухню, там сидела баба-тетя.

– О-о, голубчик мой Трилле, – сказала она и подмигнула.

Баба-тетя толстая и старая, она дедова старшая сестра. Она живет в двадцати километрах от нас и приезжает в гости всегда, когда что-нибудь празднуют – Рождество и Пасху, дни рождения или День независимости. Ну и на Иванов день, конечно. Наша настоящая бабушка, которая была женой деда, умерла давно, в тридцать пять лет. Хорошо, что была запасная бабушка – баба-тетя.

Я как ее увидел, так внутри у меня стало тепло. У бабы-тети так прекрасно слеplено лицо, что она беспрерывно улыбается. Когда она приезжает к нам в гости, все начинают дурачиться и веселиться. Мы играем в «Людо», сосем карамельки от кашля и слушаем истории, которыми они с дедом сыплют наперебой. И еще она печет вафли. Часто говорят о чем-нибудь, что лучше этого нет ничего на свете, – так вот, лучше вафель бабы-тети на самом деле ничего в мире нет, серьезно.

День получился отличный. Даже папа играл и ел вафли со всеми вместе. Он наметил сегодня разбрасывать навоз, но мама сказала, что лучше бы денек обождать, а то будет вонять во время праздника. И папа легко согласился.

В шесть часов мама хлопнула в ладоши и сказала, что пора разводить костер. Я подумал: вот бы иметь на лбу кнопочку, нажал ее – и исчез. Почему Бог не сделал нам таких? Было бы гораздо лучше иметь кнопочку, чем этот пупок в странном месте.

Только все поднялись идти, как баба-тетя охнула, схватилась за спину и сказала, что ей надо прилечь. Дед тут же вызвался составить ей компанию – хотел еще получить вафель и карамелек, наверное.

– Я тоже останусь, – сказал я.

Но мне не разрешили.

Я весь день не видел Лену, но вот она появилась с нашей прекрасной ведьмой, завернутой в простыню. На лбу у Лены была глубокая морщина озабоченности.

– Оставим ее здесь лежать? – спросил я.

Лена покосилась на Магнуса и помотала головой.

Все обитатели Щепки-Матильды собрались на берегу фьорда. Здесь были все мои, Лена с мамой, дядя Тор (это папин брат) и его подружка. На камнях у воды был разложен очень высокий и красивый костер, я таких еще не видел. Его сделали папа, Магнус и Мина, и вид у них был очень довольный и гордый.

– Ну вот, – сказал папа и расправил усы, – только ведьмы не хватает.

Лена кашлянула и вытащила ее из простыни. Все так и ахнули.

– Вот это красота! – сказала Мина с чувством, и все закивали.

Краем глаза я увидел, что морщинка озабоченности кой у кого сделалась глубиной с кратер. Я пощупал свой собственный лоб. Кнопка не появилась, увы.

Мина подхватила ведьму под мышки, раз – и взгромодила над костром. Ноги у Мины

ничуть не дрожали, хотя она стояла на высоте в несколько метров.

Мину удочерили к нам из Колумбии. Мама с папой забрали ее оттуда, когда она была несчастной маленькой сиротой. Иногда мне кажется, что на самом деле она индейская принцесса. Такой у нее вид. А тем вечером, когда она с развевающимися волосами стояла выше костра, она была ну прямо вылитая индейская принцесса. Я даже на время забылся и был беззаботным и веселым, пока дядя Тор не вытащил зажигалку. Только он собрался щелкнуть ею, как Крёлле закричала:

– Жених и невеста!!!

Все обернулись. Действительно, к нам через скошенное поле шли влюбленные. Дед и баба-тетя! По-моему, со мной случился шок. Это такая вещь, которая в кино случается. Баба-тетя оделась в папин костюм и была женихом. Она выглядела как жирный пингвин. А на деде было длинное белое платье, вуаль и туфли на шпильках. В руках как свадебный букет он нес свой кактус.

Конец ознакомительного фрагмента.